Глава 19. События, развернувшиеся вокруг письменного стола. Окончание

-Матушка, дочь хочет высказаться, - это был тот редкий случай, когда Шаошан так торжественно говорила. Сердце Чэн Шаогуна ёкнуло, а интуиция подсказала ему, что если сейчас разрешить своей близняшке, младшей сестре, начать говорить - случится беда.

Госпожа Сяо сказала:

-Говори.

Шаошан в сердце усмехнулась, слегка повернувшись, сказала:

-Ляньфан, подойди. Тебе понятно, где ты ошиблась?

Ляньфан быстро подползла, рыдая, сказала:

-...да, да, служанка проявила своеволие...

-По правде говоря, мне весьма нравится своевольничать, - сказала Шаошан со смехом, а в зале присутствующие обалдели от изумления. В душе госпожи Сяо множилось отвращение, ей такое пустозвонство не нравилось всю ее жизнь.

-Но своеволие зависит от того, что ты сделала своими руками. Тот, кто только и умеет расслышать одну фразу и делает лишь на одну фразу, разве такой человек не обычный чурбан? - Шаошан спокойно продолжила говорить, согласно взглядам ее эпохи эта ситуация называлась личная инициатива. Но Ляньфан, слушая ее, была ошеломлена.

-Так, например, я приказала тебе отправиться на восточный рынок и купить там соус из черных бобов...

Чэн Шаогуна не сдержался:

-На восточном рынке не продают соус из черных бобов...

-Шаогуна!

-Закрой рот, Шаогуна!

Госпожа Сяо и Чэн Юн прикрикнули одновременно! Сан-ши очень хотелось рассмеяться, но, сделав над собой усилие, она сдержалась.

Шаошан, не обращая на них внимания, улыбнулась и продолжила говорить:

-Например, я велю тебе пойти и купить соус из черных бобов. Ты, занимаясь этим делом, можешь самостоятельно решить - в каком направлении идти, в какую лавку зайти, покупая, ты показываешь, что считаешь, что у этого продавца соус из соевых бобов лучший по качеству, вплоть до того, как сказал здесь третий молодой господин, ты обнаружишь, что на восточном рынке не продают соус из черных бобов. Неужто ты вернешься с пустым кувшином назад и отдаешь его мне? Так ведь не годится, и тебе придется идти искать другое место, чтобы его

купить. В этом во всем тебе можно распоряжаться самой. В таком случае, где же тебе нельзя своевольничать? Если ты не найдешь соевый соус, то нельзя просто купить кислый мясной соус и принести его мне, чтобы от меня отделаться, нельзя взять мой соевый соус и отлить полкувшина постороннему человеку, и уже тем более нельзя решать самой, требуется ли мне соус из черных бобов или нет. Ты понимаешь? – в ее времени эта формулировка называлась проявлением личной инициативы.

Ляньфан долгое время была неподвижна, и только что-то осознав, со слезами на глазах сказала громким голосом:

-Служанка в будущем непременно как следует будет выбирать соус из черных бобов... ай, нет, я буду прислуживать княжне, буду очень заботиться о княжне!..

Сан-ши спрятала в рукаве лицо, как за аркой, скрывая улыбку, низко, приглушенно смеясь. Госпожа Сяо растянула уголки рта, пересиливая свое плохое отношение; госпожа Цин Ли, напрягая все свои силы, сжимала губы и села на колени позади госпожи Сяо, чтобы выровнять дыхание.

Чэн Ян также одурела, думая почему-то только о «соусе из черных бобов», что вертелся в ее голове, и все еще не понимала ясно смысл слов Шаошан; Чанпу все ниже и ниже опускала голову, продолжая прикидываться дурочкой, а у кормилицы выражение лица выглядело не очень хорошим; напротив, трое братьев с Чэн Юном стали слегка улыбаться.

Ляньфан в сердце была очень благодарна и продолжала бить челом о пол, при этом раздавались звуки, подобные «кэн, кэн», Шаошан поспешила остановить ее, похлопав по плечу, с улыбкой сказала:

-Мне нравятся умные люди. Вот только тебе в будущем нужно понять, когда следует быть умной, а когда не следует быть умной. Потом ты сама подойдешь к тете Цин, чтобы она решила какому наказанию тебя подвергнуть. Мне еще не приходилось наказывать людей, и я не знаю, какое наказание здесь уместно.

Как молодой девушке, не закончившей даже неполную среднюю школу, ей все же недостает опыта. Шаошан взмахнула рукой, призывая ее уйти, всхлипывающая Ляньфан встала сбоку крытого крыльца на колени и, ударяясь лбом об пол, поклонилась, прежде чем уйти. Шаошан повернулась, посмотрела за спину Чэн Ян, поманив рукой:

-Чанпу, подойди. Я хочу спросить у тебя кое-что.

Чанпу похоже была немного напугана, испуганно переместилась с робким выражением на лице.

Трое братьев в своем сердце были недовольны. Хотя и возраст их был не большим, но с детства они следовали за отцом и матерью, учась на своем опыте, – встречали жестоких убийц, допрашивали коварных шпионов, даже можно сказать, что значительно долго мелькали на боевых позициях отца. Как могла служанка, создавшая такой большой переполох, быть

обычной? С какой стати она занимается такой показухой? Добавим к этому няню с приносящим ей прибыль большим ртом, другая прикидывается дурочкой – семья Гэ прислала хорошую парочку помощников.

Если они не смогли разглядеть это притворство, то получается, все десять лет воспитательного процесса госпожи Сяо оказались бесполезными!

-Чанпу, хочу спросить тебя, – заискрилась улыбкой Шаошан, заговорив: – Ляньфан, увидев, что старшая двоюродная сестра отсутствует, собиралась вернуться с письменным столом, который они переносили, ты воспрепятствовала ей. Но Ляньфан тогда взяла с собой несколько крепких служанок, ты в одиночку не в силах была остановить их, поэтому ты позвала где-то около десяти своих младших сестричек, чтобы они пришли и окружили их. Тогда что же ты говорила всем тем младшим сестричкам? Говорила ли так – «Подозвала спросить, не нужен ли нам такой же письменный стол, который старший молодой господин подарил четвертой молодой барышне» или все же «Они хотят отнять письменный стол нашей княжны, быстро задержите их»?..

Сердце няни упало, она мрачно прокричала про себя «Какая молодец!», ведь девушка одной фразой обозначила важную причину.

-Я, я... – Чанпу на этот раз не прикидывалась дурочкой, она действительно не знала как следует отвечать.

Шаошан перестала улыбаться, холодно проговорив:

-Такая ничтожная мелочь, но встревожила все семью. Говоря по существу, матушка всего лишь по ошибке подумала, что я отнимаю письменный стол у старшей двоюродной сестры. В то же время, если бы хоть один человек вышел, громко крича «Вы все поняли ошибочно!», разве в таком случае все бы не закончилось бы хорошо? Чанпу, ты упала в обморок и была неспособна объяснить реальное положение дел, однако твои десять сестер, окружившие Ляньфан с ее несколькими сестрами, не лишились чувств. Они не знали подробностей твоего обмана или же они занимались укрывательством, играя неправильное представление перед хозяйкой семьи?

Госпожа Сяо закрыла глаза, про себя вздохнув.

С ее пронизательностью как она не разглядела, что рядом с Чэн Ян находятся неподобающие кормилица со служанкой, лихо отыгрывающие сейчас сцену за сценой? Гэ-ши только-только изгнали, в результате вовлеченные в это дети потеряли лицо, Чэн Ян недавно стала учиться управлять хозяйством и только стала завоевывать репутацию, по этой причине она хотела любой ценой сохранить ее лицо, а потом разобраться с этими двумя коварными служанками.

-С помощью одного письменного стола восстановили друг против друга самых близких родственников. Это является преступлением. Поэтому ответ несешь либо ты, либо те десять служанок. Выбирать тебе, – спокойно смотрела на нее Шаошан.

Чанпу обливалась потом, но не могла произнести ни одного слова, понимая, что квалификация ее преступления никак не подпадает под эти несколько иероглифов «чинить самоуправство», хотя они и были чересчур расплывчатыми.

Лицо у Чэн Ян побледнело, вскрикнув, она проговорила:

-Нет, это не так, не может быть... как это могло случиться... - она была совершенно сбита с толку, сердце стало подобно онемевшему комку, и она сама совсем не понимала, что должна сказать.

Сан-ши опустила голову, слегка улыбаясь, госпожа Цин Ли остолбенела, прекратив растирать руку госпоже Сяо. Три брата семьи Чэн смотрели на собственную сестру с непринужденным выражением лица и сравнивали с испытывавшей панику Чэн Ян, и в душе у них зародилась неопишуемая гордость.

Госпожа Сяо вновь вздохнула про себя, если говорить об уме и сообразительности, даже сотня Ян Ян не могут сравниться с одной Няо Няо. Сегодняшние события произошли так внезапно, кажется, Няо Няо не была осведомлена, но всего за несколько мгновений она поняла важные моменты и суть, одновременно перевернув всю ситуацию.

-Не нужно оказывать давление, - с силой сказала она, - ты сама решила наказать Ляньфан. Это служанки Ян Ян, пусть она сама выносит решение.

-Хорошо, повинуюсь матушке, - улыбнулась Шаошан, как будто была вне себя от радости.

Госпожа Сяо не смогла вынести ее презрительного вида, недовольно проговорила:

-Вина служанки - и закончим на этом. Письменный стол - лишь мелочь, все завершилось хорошо. Вы сестры, и в будущем вам необходимо жить в добром согласии друг с другом, недопустимо зарождение неприязни.

Шаошан кивала головой в знак согласия с улыбкой на устах, не принимая все этого всерьез, Чэн Юну и Чэн Шаогуну тем не менее было не слишком приятно слышать это, даже обычно беспечный Чэн Сун ощущал неясную подавленность.

Первоначальное событие подошло к концу, откуда же было всем знать, что няня, выслушав слова госпожи Сяо, вероятно решила, что та - ее опора и поддержка, вдруг скажет, громко плача:

-Премного благодарны госпоже за то, что выступили в защиту нашей княжны. Наша княжна не такая умная, как четвертая молодая барышня, и не обладает красноречием четвертой молодой барышни - она честный человек! Госпожа, вы понимаете это! Только что четвертая молодая барышня перевернула все слова, ой-ой-ой, не говорит ли она этим, что наша княжна сама все это могла придумать, может где-то записала все, чтобы пересказать позже! У четвертой молодой барышни есть поддержка ее трех старших родных братьев, несчастная наша княжна уступает в этой ситуации, ведь у нее есть только младший брат, который еще и

слова не научился говорить! Нам, слугам, волей-неволей приходится трепетать в страхе, изо дня в день мы волнуемся, что кто-то будет помыкать нашей княжной, во всем показывая свое превосходство и проницательность. Какие вещи у четвертой молодой барышни мы всего лишь видели и осознали, что нашей княжне непременно нужно требовать и свою долю в них, и только в этом случае мы совершили ошибку!..

Шаошан прищурилась, чувствуя, что переоценила эту старуху, предполагая раньше, что она намного умнее, на самом деле она просто не знала как вовремя остановиться. Ладно, не хочешь сдаваться, ну и не сдавайся.

Сан-ши внезапно выпрямилась и холодно заговорила:

-Ты, старуха, откуда ты взяла суждение о том, что ваш дом в деревне беден? Что это за дерзкие слова сказаны тобой? В каком месте Ян Ян обижают? Что за обвинения ты находишь! Братья семьи Чэн - самые близкие родственники, как одно целое на протяжении десятилетий, и никогда не было такого, чтобы они делили что-то на свое или чужое. Ты говоришь все это, желая поссорить кровных родственников семьи Чэн? Кто научил тебя этому? Были ли это люди из семьи Гэ? Я постараюсь разузнать все об этом!

Няня сразу же прекратила плакать, она сама уже поняла, что сказала множество бестактных слов, ей дозволено было говорить о Чэн Ян как о скромной, но бестолковой и глупой, возможно терпящей обиды, однако ни в коем случае нельзя было вовлекать уважаемых молодых господ. Она быстро отреагировала, поспешно, не щадя себя, стала биться головой об пол, причитая, что оговорилась.

Госпожа Сяо сморщилась, говоря в душе, что эту няньку категорически нельзя оставлять здесь. Она с шести лет стала управлять домашними делами и о чем она может не знать? Все это время она везде была с Чэн Ян, слугам оставалось еще больше угождать Ян Ян. Как могли ее третировать? Очевидно же, что эта няня пытается посеять вражду.

Чэн Юн, выпрямившись, обрушил на нее весь свой гнев, заговорив:

-Ты, подлая старуха! Настолько осмелела, что сплетничаешь, представляя ложь истиной! Эй, кто-нибудь...

-Хорошо! - перекричала его госпожа Сяо. - С этим делом на сегодня покончим!

Шаошан поняла, что прождала полдня, ожидая, когда госпожа Сяо решит судьбу этой кормилицы, но откуда же ей было знать, что она дождется всего лишь одной этой фразы. Она посмеялась над собой в сердце, ну и хорошо, в конечном счете остается полагаться только на себя.

-Матушка, вы полагаете, что эта старуха все сказала правильно? - холодно сказала она.

Госпожа Сяо намеревалась немедленно покончить с этой хаотичной обстановкой, потому она прикрикнула:

-Вы болтаете - один за другим без остановки - и никак не прекратите, не правда ли?!

-Что правильно, то правильно, что неправильно, то неправильно. Если в самом деле слова этой старухи верны, то разве я со старшими братьями не помыкаем нашей старшей двоюродной сестрой? А если это действительно ложь, прошу матушку сразу же наказать старуху, внеся полную ясность! - Шаошан спокойно смотрела на госпожу Сяо.

Госпожа Сяо сегодня неоднократно была разочарована и расстроена происходящим, и ее гнев уже достиг наивысшей точки, она тяжело сказала:

-Ты смеешь быть непочтительной к родителям!

Как только эти слова прозвучали, госпожа Цин Ли первым делом подпрыгнула от испуга, а Сан-ши в изумлении посмотрела на так хорошо обычно владеющую собой старшую невестку.

-Мать! - громко сказал Чэн Юн. Пренебрежение сыновним (и дочерним) долгом является очень серьезным преступлением, как только обвинение претворится в жизнь, младшая сестра будет обречена на гибель.

Чэн Сун не мог поверить услышанному и смотрел на госпожу Сяо, Чэн Шаогун в своем сердце был полон разочарования и с дрожью в голосе сказал:

-Мать, разве Шаошан не ваша дочь? Эта старуха только что произнесла такие непокорные слова, а вы даже не наказали ее, но вопреки всему говорите такие серьезные вещи Шаошан?

Госпожа Сяо осознала, что говорила все в гневе и, отвернувшись, сидела молча.

Шаошан усмехнулась про себя.

Здесь главный зал просторный и обширный, за дверью стоит навтыжку служанка-телохранитель с мечом и арбалетом на талии, сегодня, в то время, когда она занималась каллиграфией, госпожа Сяо направила такую же бесстрастную телохранительницу и без лишних разговоров ее связали и привели сюда, даже А-Чжу было запрещено ее сопровождать, и перво-наперво ее призвали к ответу, выходя из себя от гнева. При таком отношении как при проверке тремя инстанциями* обычная девочка давно бы испугалась, как бы там ни было она хоть на половину, но порядочный человек, в свое время любимый парень хозяйки в бильярде переломил три кия, а она тогда даже глазом не моргнула и не опустила взгляд, так что уж говорить о сегодняшнем дне!

*Здесь Шаошан снова вспоминает свою прежнюю жизнь, размышляя о трехсторонней проверке, принятой в Китае - суд, полиция, прокуратура.

Теперь в семье Чэн, пусть она и была старшей дочерью главной жены главы семьи, однако положение ее было совсем не веселым, стоит сегодня не пойти напролом, и всю ее последующую жизнь ее будут зажимать и бить, и до скончания века она будет трусить и робеть, нарываясь на ссоры, однако она не была способна со своим характером молча сносить

подобные обиды и оскорбления!

Шаошан решила в мыслях и, повернувшись к няне с холодной усмешкой, резко сказала:

-Если бы твои слова, произнесенные только что, услышал бы батюшка, он ударом ножа содрал бы с тебя кожу живьем, ты готова к этому? Верить ли мне? - при упоминании Чэн Ши няня встрепенулась и задрожала.

-Матушка не была склонна ругать тебя, и ты знаешь почему. Не ради тебя, считающей себя умной, тупая ты старуха, а ради того, чтобы старшая двоюродная сестра не потеряла лицо, - отчетливо произнося слова, говорила Шаошан, - ты заметила, что старшие братья предпочитают меня, и мне не нужно переживать, что сейчас матушка предпочитает мою старшую двоюродную сестру.

-Няня! - громко закричала госпожа Цин Ли, и вся ее душа была полна паники и смятения.

Лицо госпожи Сяо было подобно глубоким водам:

-Пусть она говорит.

Чэн Юн почувствовал себя плохо, подумав, что сейчас остановить уже ничего нельзя.

Как только Шаошан услышала это, она продолжила говорить:

-Матушка только что говорила, что ошибки слуг не должны падать на дочь. Ну, эти слова правильны. Почему же совершившую грубую ошибку Ляньфан, которая была рядом со мной всего несколько десятков дней, матушка, даже допрашивая, не расспросила подробно, но, схватив меня, привели сюда для наставлений, так или иначе уверенные в моей вине? А жившая возле старшей двоюродной сестры последние десять лет Чанпу совершила ошибку, и старшая двоюродная сестра никак не наказана за это. Ты объяснишь почему так?

Няня широко раскрыла рот, но не могла издать ни звука; она только что вовлекла трех молодых господ, взбаламутила всех и посчитала, что легко выбралась, кто же знал, что эта четвертая молодая барышня, так мощно ожив, потянет за собой в темные воды родную мать.

-Потому что матушка любит старшую двоюродную сестру, - левая ладонь Шаошан легла поверх правой, с холодной как лед улыбкой, - моя матушка прекрасно разбирается в литературе и боевых искусствах, неутомима как Хуэй Да*, не говоря уже о трех старших братьях, но даже, если сложить еще тридцать таких же старших братьев вместе, то еле-еле они будут лучше ее. А потому тебе незачем сокрушаться о княжне твоей семьи, моя матушка защитит ее, и гарантирую, что в резиденции Чэн нет никого, кто бы осмелился покушаться на нее!

*胡诩 dà Хуэй Да - буддийский наставник времён Западной Цзинь (настоящее имя Лю Сахэ).

- Наглая! - госпожа Сяо изо всех сил сдерживала ярость. - Ты смеешь критиковать меня?

Обернувшись, Шаошан холодно усмехнулась:

-Матушка, после десятилетней разлуки вы первым делом в той долгой беседе со мной велели мне говорить, если что-то я хочу сказать, говорить прямо, потому что нет смысла говорить ложь и фальшивить, дочь крепко запомнила это и никогда не забудет. Ныне вы полагаете, что правда неприятна и рассчитываете заставить дочь лгать?

Госпожа Сяо в гневе поднялась, торжественно указывая на нее, разразилась бранью:

-Ты - выродок, эй, кто-нибудь...

Чэн Юн понимая, что мать сейчас разойдется в гневе, торопливо бросился вперед и крепко обхватил ее за ноги, умоляюще сказал:

-Матушка, это все из-за ошибки сына. Это сын тщательно не обдумал все, поэтому все вылилось в такое дело, вызвав сильный гнев матушки, все из-за ошибки сына! Няню еще юна, ее никто с детства не наставлял, вам не нужно винить ее!

Когда госпожа Сяо услышала, как сын непрерывно говорит ей о Шаошан, пламя ее гнева разгорелось еще больше, срывая на нем злость, она сказала:

-Приятно слышать! Если бы ты отослал два письменных стола, разве пришли бы мы к такому крупному...

-Три, - кто же знал, что внезапно холодно заговорит Чэн Шаогун, - необходимы три письменных стола - Вэйвэй тоже начала писать. У матушки в сердце лишь старшая двоюродная сестра, даже о Вэйвэй забыла.

Госпожа Сяо окаменела, прекратив бороться с руками на своих ногах, указывая на Чэн Шаогуна, сказала:

-Ты... - увидев недовольный взгляд третьего сына, она почувствовала озноб в груди, впервые в жизни ее сыновья стали возражать ей, она внезапно оказалась в безвыходном положении.

Сан-ши спешно попыталась разрядить обстановку, улыбаясь, сказала:

-Вэйвэй написала несколько слов, зачем нам письменный стол? Это обычные домашние дела и только, зачем это бряцание оружием?

Чэн Юн упал на колени около ног госпожи Сяо, непрерывно кланяясь в землю:

-Это все ошибка сына, матушка, накажи меня.

Госпожа Сяо дрожала всем телом от гнева:

-Хорошо, хорошо, немедленно накажу тебя, немедленно...

-За что матушке наказывать старшего брата? - внезапно сказала Шаошан.

У Чэн Юна в панике выступил пот, обернувшись, он заорал:

-Ты больше ничего не говоришь!

-Нет, я скажу.

Шаошан стояла на коленях, прямая как стрела, ее худые плечи были похожи на крылья мотылька, дотронешься до них и они сломаются. Легкие яркие солнечные лучи просачивались сквозь крытую веранду, отражаясь внутри, освещая ее так, что от этого она словно растворялась в этом сиянии. На ее белоснежном детском личике не было ни кровинки, лишь холодное выражение лица, а в голосе как в воде можно было остужать сосульки.

-Матушка может наказать меня, но нельзя наказывать старшего брата, потому что он не сделал ни одной ошибки.

-Почему старший брат лишь мне, одному человеку, подарил письменный стол? Конечно, из-за того, что я дурно воспитана и не имею образования. Старший брат пожалел меня, он отдал мне собственный, любимый всей душой письменный стол, надеясь, что я не буду падать духом и буду как следует заниматься. Ведь он сознательно не отправился наружу купить новый письменный стол, лишь отдал старый, не наделив старшую двоюродную сестру. Что за ошибку совершил старый брат?

В зале стояла тишина, никто не издал ни единого звука, лишь слышались тихие всхлипы Чэн Ян.

-Матушка, я сейчас способна записать не более ста иероглифов и неудовлетворительно прочла менее десяти свитков, и все они - из элементарного обучения детей. Старшая двоюродная сестра изучила все, что должна была изучить - всему ее обучили, но то, что она еще не успела изучить, тому вы как раз ее обучаете. Матушка, вы все еще помните, сколько вашей дочери лет? В будущем году я уже достигну брачного возраста.

Госпожа Цин Ли не понимала, что ее глаза уже влажны, однако у стоявшей на коленях посреди зала девочки не было в глазах ни слезинки, такая упрямая и гордая, выпрямив в струнку свою слабую спину. Госпожа Цин Ли всю свою жизнь находилась на стороне госпожи Сяо, однако теперь она намеревалась встать на сторону этой девочки.

-Есть одна пшеничная лепешка, которую невозможно разделить, есть два человека, и один вот-вот умрет от голода, но второй вероятно процентов на восемьдесят сыт, кому же матушка отдаст эту пшеничную лепешку? Или может быть, вы умирающему от голода человеку будете говорить, что все полагается по справедливости и ему прежде следует потерпеть, а когда у вас будет целых две пшеничных лепешки, вы отдадите по одной каждому, так ведь будет хорошо?

Чэн Юн наклонил голову, чтобы вытереть слезы, оглядываясь назад на худую фигуру юной сестры, утопающую в свете, в эту минуту он испытывал мучительную боль в груди.

Сан-ши спокойно смотрела на Шаошан. И внезапно вспомнила, как много лет назад собственными глазами видела одну небольшую военную стычку. В то время выступавший за главного у противника уже был мертв, в битве осталась лишь горстка солдат, однако они упорно не соглашались сдаваться, прилагая все силы, чтобы поднять высоко сломанное знамя поверженного господина. Впоследствии они были разбиты наголову, и все полностью пали на поле боя, в отблесках заходящего солнца все, что осталось, – сломанный шест и изорванный флаг, все еще висящий на земляном склоне.

Она ощущала, что Шаошан была подобна тем остаткам разбитой армии, такая одинокая с великим мужеством в душе, заставляя трепетать сердца людей от проявленного ею достоинства.

-Матушка, вы по-прежнему хотите наказать старшего брата? Он ни в чем не виноват.

Шаошан слегка повернула лицо, стремительно стряхнув слезы с глаз, а затем обернулась, как и прежде, с очаровательной улыбкой.

Перед ее глазами всплыли мокрые брусчатые дороги ее родного города. Зима на юге не сравнится с зимой на севере, на юге она более тяжелая, влажная и холодная, как и все ее детство. Она уже давно относилась безразлично к этому, но воспоминания все еще могли вызвать боль.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2928600>